

ДМИТРИЙ
КОДОВНИКОВ

18

КУРСАНТ
UNITED

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 18

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Курсант Империи - 18 / Д. Н. Коровников — «Автор», 2026

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты. P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 18

Глава 1

Подрасться нам всё-таки не дали, и я до сих пор считаю это упущением.

Барятинский договаривал что-то про рядовых, которые забывают своё место, и получалось у него длинно. За его плечом стояли те из первого штурмового, кто ещё стоял: человек пятнадцать, помятых, злых и очень настроенных продолжить знакомство. Папа справа от меня дышал так, что мне делалось жарко в ухо. Толик слева придерживал нос ладонью, но вторая рука у него была свободна, и он ею поигрывал.

— Господин полковник, — зло хмыкнул Папа. — Вы обещали освежить мне память.

— Обещал.

— Я жду.

Один из штурмовиков сделал полшага. Я успел прикинуть, что буду бить вторым — первым не успею, потому что старший сержант уже разворачивался всем корпусом, — и в эту секунду дальняя переборка отъехала в сторону.

В коридор вошла военная полиция. Два десятка, дубинки на бедре, и шли они тем ровным шагом, каким ходят люди, которым уже всё доложили. Впереди двое. Генерал-майор Ли — невысокий, сухой, седой ёжик, и ни одного лишнего движения от плеча до сапога. Рядом полковник Кнутов.

Поддействовало это на две половины по-разному. Наши подобрались при виде Кнутова: тринадцатый штрафной уважал полковника ровно настолько, насколько его боялся, и обе величины были солидными. А чистильщики Барятинского выпрямились при виде генерала. Люди, полминуты назад разминавшие кулаки, сделались ниже ростом и как-то уже. Даже те, кто лежал, теперь пытались лежать аккуратнее.

Коридор походил на свалку. Под потолком мигала выбитая панель освещения, и от этого всё внизу шло рывками, как старая хроника. На палубе валялись чей-то ремень и берет, хозяин которого его уже не искал. Пахло как в спортивном зале после соревнований — потом и железом, и этот запах, пожалуй, описывал происшедшее точнее любого рапорта, который предстояло писать.

Ли прошёл до середины коридора и остановился. Он ничего не сказал. Генерал посмотрел на палубу, потом на стены, потом на нас, и от этого взгляда стало нечем дышать.

— Медиков, — уронил он. — Всех свободных. Сортировка здесь же, тяжёлых в медблок.

Бежать никому не пришлось. Медики появились так быстро, что стало ясно: их подняли раньше, чем генерал вышел из лифта. Корабельные врачи в зелёном, санитары с носилками, за ними цепочка медсестёр-андроидов — одинаковых, вежливых и стремительных, как хорошо отлаженный конвейер. За минуту коридор превратился в палату приёмного покоя: тяжёлых на носилки и в медблок, лёгких к стене и ждать. Один штурмовик попробовал доказать, что он вполне ходячий, и был уложен с той ласковой непреклонностью, против которой не помогает даже десантная подготовка.

Асклепия кудachtала со своими, и своих у неё сегодня набралось на отдельную палату. Капеллан, которого в свалке уронили четверо, сидел у переборки и не мог поднять левую руку; Асклепия что-то сделала с его плечом, и Капеллан сказал короткое певучее слово, к Псалтыри отношения не имевшее. Мэри уже лежала на носилках и требовала, чтобы её ссадили. Кроху не брали носилки, поэтому его вели вдвоём, и он шёл, придерживая рёбра так бережно, словно нёс чужую посуду.

— Александр Иванович, — сказала Асклепия, не оборачиваясь, — потери здоровья солдат батальона выше, чем за всю неделю. Мне перечислить?

— Не надо.

— Я всё равно внесу в журнал.

Спорить с медицинским андроидом про журнал — занятие для людей с запасом времени. Запаса у меня не было.

— Виктор Анатольевич, садьте.

— Постояю.

— Вы стоите на одной ноге. — Асклепия прижала к рассечённой брови Папы салфетку, и старший сержант, полминуты назад собиравшийся пристукнуть полковника, перестал быть страшным.

Я отвернулся, чтобы не мешать человеку в личной жизни.

Потом Асклепия увидела Ипполита, и медицина в ней победила всё остальное.

Мой дворецкий был жив, бодр, но в высшей степени неисправен. Кто-то в общей свалке достал его так крепко, что голова теперь сидела на плечах под углом, которого не предусматривал ни одна конструкция. Смотрел Ипполит поэтому строго вправо и вверх, на потолочные кабель-каналы, а шёл прямо, отчего регулярно уточнял направление плечом о переборку.

— Стойте, — потребовала Асклепия. — Вы разбалансированы.

— Я функционирую, как никогда лучше, — сообщил Ипполит потолку.

— У вас свёрнута шея.

— У меня отклонение шейного узла. Это не одно и то же.

Он сделал два шага, доказывая тезис, и мягко въехал в дверной косяк.

— Видимо, проём перенесли, — заметил он.

Мимо пронесли штурмовика с рассечённой и окровавленной головой. Ипполит развернулся проводить его взглядом — целиком, корпусом, потому что шея участвовать отказывалась, — и снёс со столика лоток с перевязочными пакетами.

— Этот столик тоже перенесли? — уточнила Асклепия.

Асклепия зашла сзади и взялась за его голову обеими руками. Ипполит увернулся — вернее, попытался: увернулся он туда, где её не было, зато нашёл там санитар. Санитар отскочил, носилки уехали к стене, и по коридору прошёл первый за сегодня смех, осторожный и сразу с обеих сторон.

— Не сопротивляйтесь.

— Мадам, я камердинер дома Васильковых. Меня не разбирают в коридоре при посторонних.

— Я вас не разбираю, я вас выпрямляю.

— Именно этого я и опасаюсь.

Щёлкнуло. Голова довернулась градусов на пять и встала намертво.

— Ну вот, — сказала Асклепия.

— Теперь я смотрю влево, — доложил Ипполит. — Прогресса не наблюдаю. Наблюдаю Анатолия.

— Здорова, — отозвался Толик. — Взаимно, я тебя тоже вижу. Впервые за вечер кто-то на меня смотрит.

Я решил, что медицину лучше оставить медицине, и пошёл докладывать. Кнутов стоял над ближайшим лежащим и пересчитывал, судя по всему, не только чужих. Меня он заметил и повернулся всем корпусом — жест, ничего доброго не обещавший.

— Господин полковник, разрешите доложить. Помещения, выделенные приказом тринадцатому штрафному, оказались заняты личным составом первого батальона. Пополнение доведено до конечных точек, обозначенных вами, люди заняли койки согласно номерам. После

этого командир первого батальона привёл в отсек порядка двухсот человек и приказал нас выкинуть.

— Кто разрешил именно вам водить по кораблю пополнение, рядовой?

— Никто. Приказ о размещении был. Исполнителя в нём не указали.

— Господин генерал! — одновременно Барятинский подошёл к Ли, аккуратно обогнув носилки. — Позвольте, я изложу, как было. Эти... штрафники ворвались в расположение моего батальона, силой выбросили из кубриков технические команды, применив при этом... — он искал формулировку и выбрал ту, что покрасивее, — ...специальный контингент неустановленного правового статуса. Мои люди лишь наводили порядок.

— Результат перед нами, — согласился Ли.

— Господин генерал, помещения числились за нами, — вклинился я. — Первый батальон обязан был освободить их к прибытию пополнения. Старший сержант Рычков обращался дважды, его выставили.

— Рядовой, вас спрашивали?

— Меня спрашивал мой командир.

— Ваш командир объясняет генералу, почему его батальон устроил на боевом корабле разбой. — указал мне моё место уже Барятинский. — Только в таком порядке.

Дальше мы говорили одновременно с Барятинским. Он перечислял: рейдерский захват, унижение офицеров, травмы личного состава. Я вставлял про приказ, про согласование со старпомом и про то, что двести человек в коридоре тоже никем не согласованы. Он повысил голос. Я, признаться, тоже.

Полминуты вышли лучшей частью моего доклада.

— Достаточно, — остановил наш спор генерал Ли.

И коридор замолчал, включая, по-моему, вентиляцию.

— Полковник Барятинский. Рядовой Васильков. — Генерал посмотрел на нас, как смотрят на две одинаково неисправные детали. — Вы оба — зачинщики. Обоих на гауптвахту.

Плечи у меня опустились сами, и я поймал себя на том, что похоже, не смогу сегодня в медблок к Хиле с Кабаном. Выговоры, наряды и карцер шли в моей биографии таким плотным строем, что очередной случай уже не помещался в память отдельной строкой.

— Санёк, — сказал Толик мне в спину, — ты там попроси камеру с видом. А то стыдно ведь: первый раз в жизни сидишь вместе с полковником.

— Жгутиков, — сказал Папа через салфетку. — Замолчишь ли ты когда-нибудь.

Барятинский шагнул к генералу и заговорил вполголоса — доверительно, как офицеры одного круга решают вопросы, не вынося наружу.

— Господин генерал, при всём уважении. Я ведь командир батальона. Как я буду выглядеть перед своими людьми, если их командира уведут в карцер вместе с рядовым штрафником?

Ли выслушал не перебивая. Он вообще не перебивал, я заметил: экономил.

— Наша бригада, полковник, благодаря вам сегодня похожа на табор. Драки в коридорах, разбитые лица, личный состав на носилках.

Лицо генерала оставалось совершенно спокойным. Я стоял в четырёх шагах и видел, что он в бешенстве. Не по голосу. По тому, как ровно он держал этот голос.

— Господин генерал...

— На гауптвахту. Как вы выглядите перед своими людьми — решайте сами.

В шеренгах первого штурмового никто не шевельнулся, и вот эта неподвижность была хуже смеха.

Барятинский отступил на шаг и стянул перчатки. Он делал это медленно, палец за пальцем, и по этой процедуре было видно всё, чего не было на лице.

Кнутов тем временем подошёл ко мне и молча раскрыл механическую ладонь. Я положил в неё планшет. Полковник даже не взглянул на экран — сунул под мышку, как отбирают у ребёнка предмет, о назначении которого лучше не думать до вечера.

— Старший сержант Рычков.

— Я, господин полковник. — Папа встал так, что салфетка осталась висеть на брови флажком.

— У вас у единственного был доступ к управлению. Кому вы его передали?

Папа помолчал ровно ту секунду, которая отделяет службу от предательства.

— Рядовому Василькову, господин полковник.

— Рядовому. — Кнутов произнёс это без выражения, и стало хуже, чем от крика. — Управление тремя сотнями человек. Взыскание получите отдельно, чтобы вам было о чём подумать в спокойной обстановке. Думать, сержант, — часть службы, а не то, чем занимаются вместо неё.

— Виноват.

Кнутов отвернулся, и Папа остался стоять с этим «виноват», как с невручённым пакетом.

Ли обвёл коридор взглядом. Медленно, слева направо: наших у стены, штурмовиков на палубе, санитаров, лейтенанта с воротничком, потерявшим товарный вид, Ипполита, глядящего теперь строго влево, и Асклепию с аптечкой.

— По-хорошему, — сказал генерал, — надо бы посадить всех присутствующих. Всех до одного. Но в карцере этого корабля столько мест нет.

За собой я знаю один недостаток. В минуту, когда все молчат, во мне просыпается желание помочь.

— Господин генерал, если надо — мы уплотнимся. Опыт есть.

Кто-то из наших хрюкнул. Кто-то из полиции кашлянул в кулак. Ли посмотрел на меня без всякого интереса.

— Ваш опыт учтён, рядовой. В размещении вы больше не участвуете.

Четыре шага Барятинский прошёл так, что я их не увидел.

Воротник рванулся, мир качнулся вбок. Хватка у полковника была крепкая и совершенно не аристократическая. Вблизи я разглядел, что у него дрожит верхняя губа.

— Щенок.

Отвечать было нечем. Я не отвёл глаз — единственная роскошь, доступная рядовому в такой позиции.

Нас растащили.

Полиция сработала быстро и без нежностей: трое на полковника, двое на меня, и всех пятерых, по-моему, не волновали ни звания, ни фамилии. Меня оттащили к переборке. Барятинского оттеснили в другую сторону, он рванулся ещё раз, уже больше для порядка. Папа шагнул было следом, но Кнутов, не оборачиваясь, поднял механическую руку, и старший сержант остановился так, будто налетел на трос.

В коридоре сделалось очень тихо. Даже носилки перестали парить в воздухе и замерли.

— Магнитные наручники, — приказал Ли. — На обоих.

Старший наряда кивнул. Браслеты легли на запястья с коротким сытым щелчком. Такие же щёлкнули в трёх шагах от меня. Именно это, судя по взгляду полковника, оскорбляло его сильнее всего.

Ли повернулся к наряду.

— Обоих в карцер.

Глава 2

Коридор средней палубы оказался длиннее, чем мне помнилось, и куда населённое.

Шли мы рядом: двое впереди, двое сзади, мы с полковником посередине, на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Старший конвоя держался справа и чуть впереди, и спина у него была как у человека, которому доверили везти нечто ценное и слегка взрывоопасное.

Руки нам сковали спереди, и у этого обнаружились свои достоинства. Можно поправить воротник, потерять переносицу, вообще изобразить, будто идёшь по делам и просто держишь кисти немного странно. Полковник Барятинский ничем таким не пользовался. Он нёс сцепленные руки перед собой ровно, на одной высоте, как несут поднос, который нельзя ставить.

Первые встречные попались нам шагов через пятьдесят.

Двое техников в рабочем, с инструментальными сумками — обычная смена, которая куда-то шла и никуда не спешила. Они посторонились. Потом один посмотрел на нашу процессию второй раз, уже как следует, и я увидел, как у человека меняется лицо: сначала привычное уважение к полковничьим погонам, потом сомнение, потом короткая яркая радость, которую он торопливо убрал куда-то за щеку.

— Извиняюсь, — сказал он в пространство.

Никто ни у кого не просил прощения. Это было слово вместо смеха.

Дальше пошло гуще. Средняя палуба на «слоне» устроена так, что вдоль неё нанизаны жилые блоки, и в час после ужина двери у них открыты, и в каждом проёме кто-нибудь да стоит. Мы шли, а по обеим сторонам включалось одно и то же: движение, поворот головы, пауза. Пауза была самой громкой частью.

Штурмовики первого батальона узнавали своего командира раньше, чем успевали разглядеть браслеты на его запястьях, и это было хуже всего. Сначала спина сама выпрямлялась, подбородок шёл вверх, а потом человек видел металл, и всё выученное движение обрывалось на середине, как песня, у которой кончилась запись. Некоторые всё-таки козыряли. Это вышло ещё страннее.

— Господин полковник, — усмехнулся я, — а вы обратили внимание, что нас ведут по самому длинному маршруту?

Барятинский не ответил.

— Через жилые блоки. Мимо всех кубриков. Кто-то в этом конвое учился составлять экскурсии.

Барятинский снова не ответил.

Я, признаться, рассчитывал на другое. В моём представлении путь до карцера должен был состоять из его обещаний припомнить мне сегодняшний погром, моих уточняющих вопросов и общего повышения тона. Я даже заготовил пару фраз про родословную — они у меня остались с прошлого раза, неиспользованные и вполне свежие.

Вместо этого рядом шёл человек, который смотрел строго вперёд и молчал.

Я посмотрел на него внимательнее, чем позволяли приличия.

Он был весь красный. Не пятнами, как краснеют от злости, а ровно, всей шеей и скулами, и краснота эта не проходила от коридора к коридору, а держалась, как температура. Челюсть у него стояла так, что было слышно, как он ею работает. И глаза Барятинский держал на уровне переборки — чуть выше человеческого роста, ровно на той высоте, где никого не бывает.

Вот тут я сообразил.

Он краснел не из-за меня. Я в его сегодняшнем списке бедствий занимал строчку, конечно, но далеко не первую. Полковник краснел из-за того солдата в третьем проёме, который начал козырять и не докозырял. Из-за косморяка, сказавшего «извиняюсь». Из-за двоих

в конце коридора, которые не отвернулись, а наоборот, подошли ближе к двери, чтобы посмотреть получше и потом рассказать.

Я вырос в доме, где к фамилии относились как к предмету обстановки: она есть, её протирают, на неё не садятся. Барятинский, судя по всему, вырос в доме, где фамилию носили на себе. Разница между нами была не в происхождении, а в том, что мне мою фамилию много раз объясняли шёпотом за спиной, а ему свою — никогда. И теперь его вели по кораблю, где всё держится на том, что командир — это человек, которому не задают вопросов, и каждый встречный получал бесплатное доказательство обратного.

Злость у меня прошла. Я честно попытался её удержать — у меня были на неё все права, включая свежие следы от его пальцев на воротнике, — но она вытекла, как вода из ладоней.

Остался неудобный факт: мне было его жалко.

— Господин полковник.

Молчание.

— Ладно, я не буду больше про экскурсию.

Молчание. Но подбородок дрогнул. Совсем чуть-чуть, на градус.

Коридор жилых блоков заканчивался. Я знал этот участок: сейчас будет короткий переход, потом двери грузового шлюза, а потом холл перед эскалаторами на нижнюю палубу. Холл — это место, где всегда стоят человек двадцать и где никто никуда не идёт быстро, потому что все ждут своей очереди на ленту.

А за холлом — эскалаторы, нижняя палуба и карцер. Тот самый, где я лично оставил Барчука с его молодцами и где мне теперь предстояло возобновить знакомство при обстоятельствах, значительно менее выгодных.

Я прибавил полшага и поравнялся со старшим конвоя.

— Разрешите обратиться.

— Не разрешаю.

— Тогда просто скажу.

Старший был из тех военных полицейских, которых, по-моему, отбирают по одному признаку: способности смотреть на человека в форме как на неудобную посылку. Лицо чистое, движения экономные. За сегодняшний вечер он не получил ни одного синяка и явно считал это профессиональным достижением.

— Снимите наручники, — сказал я.

Он не сбился с шага.

— Подумайте сами. Мы на корабле. Бежать нам некуда, разве что через шлюз в космос, а там холодно и нет атмосферы. Вас четверо, нас двое, и один из нас, — я кивнул на себя, — весь вечер получал по голове и в форме, прямо скажем, не блестящей. Вам поручили довести задержанных до карцера. Мы и так дойдём. Даю слово, драться не будем.

— Слово рядового.

— Слово дворянина. Если вам так удобнее считать.

Он наконец повернул голову. Не ко мне — назад, на полковника.

И посмотрел.

Я видел этот взгляд в разных исполнениях, но у старшего конвоя он получился чище всех: неторопливый осмотр сверху вниз, с задержкой на разорванном по шву кителе, потом на браслетах, потом обратно на лицо.

Потом он усмехнулся.

Одним углом рта, коротко, и сразу убрал. Но убрал недостаточно быстро, и я это увидел, и — что было хуже — Барятинский тоже.

— Не положено, — сказал старший.

— Понимаю, что не положено. Я спрашиваю, возможно ли.

— Приказ генерала. Наручники на обоих. — Он выдержал паузу, и в паузе этой было куда больше содержания, чем в словах. — Заслужили.

— Ладно я, — отмахнулся я двумя скованными руками. — Мне и спорить не о чем: штрафнику браслеты даже к лицу. Но посмотрите на господина полковника. На нём же лица нет.

Это была ошибка.

Я понял её ровно в тот момент, когда договорил, потому что рядом со мной что-то произошло — не движение, а наоборот, отсутствие движения, окончательное и полное. Барятинский перестал даже моргать. Он шёл, глядя в свою точку над переборкой, и лицо у него сделалось такое ровное, что по нему можно было выставить горизонт.

Самое унижительное, что можно сделать с гордым человеком, — это пожалеть его вслух при посторонних. Я это правило знал твёрдо и всё равно нарушил.

Хотя, если совсем честно, знал я и другое: он всё понял. Не про наручники — про то, что я понял. Рядовой штрафного батальона, этот щенок, разглядел, почему командир первого штурмового молчит третий коридор подряд, и полез договариваться с конвоем. Оценить такое Барятинскому мешали примерно всё: гордость, вечер, вывернутая шея его репутации и лично я.

Поэтому он выбрал каменное лицо. Единственный доступный вариант, и, надо отдать должное, исполненный безупречно.

— Идите спокойно, рядовой, — сказал старший конвоя. — В смысле, идите ровно.

Мы прошли ещё десяток шагов.

Впереди коридор расширялся, свет становился ярче, и оттуда уже доносился тот особенный ровный гул, который бывает только там, где много людей стоят и негромко разговаривают ни о чём. До холла оставалось метров сорок.

Справа потянулась стена смежного технического коридора. Двери в нём оказались открытыми: там кто-то работал днём и не удосужился закрыть за собой, потому что на большом корабле всегда найдётся кто-то, кто не удосужился.

Я посчитал шаги до проёма. Получилось шесть.

Потом я посчитал, что мне за это будет, и получилось прилично.

Потом я вспомнил усмешку старшего конвоя.

— Господин полковник, — сказал я негромко, — держитесь меня.

— Что?

Первое слово за всё время путешествия. Он даже повернул голову.

В это время я уже бил заднего левого ногой под колено.

Драться в наручниках неудобно, а ногой — очень даже. Полицейский сел, коротко и удивлённо. Я развернулся всем корпусом и толкнул второго обеими скованными руками в грудь — не сильно, но он стоял неудачно, а палуба на «слонах» гладкая, — и он поехал спиной в переборку.

Старший конвоя только обернулся. Я же уже сгрёб Барятинского за китель — тот самый, разорванный, и это оказалось единственным, за что его вообще можно было ухватить.

Втолкнуть взрослого мужчину в дверной проём, когда у тебя связаны руки, а он тяжелее тебя, невозможно. Я это знал. Поэтому я не толкал, а падал — вперёд и вбок, всем весом, держась за его китель, как за поручень. Мы влетели в проём вместе, довольно позорно, и я по дороге приложился плечом о косяк.

Ладонью, обеими сразу, я ударил по кнопке закрытия.

Пневматика на «Элефантах» работает медленно, солидно и абсолютно неотвратимо. Створка пошла из паза с тем неторопливым шипением, с каким выдыхает человек, которому надоело. В сужающуюся щель я увидел старшего конвоя — он бежал, вытянув руку, и лицо у него было уже не такое спокойное.

Створка встала в гнездо. Щёлкнуло.

— Вы с ума сошли, — воскликнул Барятинский.

Он стоял посреди технического коридора, растрёпанный, красный уже по-другому, и наконец-то смотрел прямо на меня.

— Возможно.

— Вы понимаете, что вы сделали?

— Пока нет. Дайте руку.

— Что?

— Скорее!

Я взял его за левое запястье.

Он дёрнулся — рефлекторно, как дёргается человек, которого трогает тот, кому не положено. Но, я держал крепко. Объяснять было некогда, а если бы я начал объяснять, он бы начал возражать, а возражать он умел долго.

Считывающее устройство замка сидело на переборке слева, на уровне груди: серый квадрат с матовым окном. Я приложил к нему его запястье — то, на котором под браслетом наручника сидел его собственный, офицерский.

Окно моргнуло зелёным.

На табло развернулся список. Длинный. Идентификатор командира штурмового батальона открывает на большом десантном корабле практически всё, и в этом списке было столько строк, что глаза разбежались бы, будь у меня время на роскошь.

Времени не было. Я нашёл нужную строку второй сверху и ткнул.

«БЛОКИРОВКА».

Табло стало красным. Замок внутри переборки сказал что-то короткое и окончательное.

С той стороны немедленно ударили. Раз, другой — не кулаком, чем-то твёрдым. Потом заработала кнопка: створка коротко дёрнулась в пазу и встала обратно. Ещё раз. Ещё.

— Открывай!

— Заблокировано!

— Как заблокировано?

— Вот так заблокировано!

Пауза. Потом голос старшего конвоя, уже громче и в другую сторону:

— Господа офицеры! Вы — в холле! Сюда, быстро! Нужен допуск!

Барятинский смотрел на своё запястье. Потом на табло. Потом на меня.

Я видел, как в человеке одновременно работают три мысли и все три ему не нравятся.

— Вы использовали мой браслет, — сказал он.

— Использовал.

— Чтобы сбежать?!

— Вы поразительно догадливы, господин полковник.

Из холла, судя по звуку, уже кто-то отзывался. Офицеры на этом корабле встречаются на каждом шагу, и хотя бы у одного из них допуск на техническую палубу найдётся — вопрос был не в том, найдётся ли, а в том, сколько шагов ему до нас идти.

Я прикинул. Вышло мало.

Технический коридор уходил вправо и вниз, узкий, в кабель-каналах, освещённый через один плафон, и заканчивался поворотом, за которым не было видно ничего.

Я толкнул Барятинского плечом.

— Бежим.

Глава 3

Он, конечно же, не побежал.

— Ни за что, — сказал Барятинский.

За створкой снова ударили, уже втроём и не синхронно.

— Может обсудим это по дороге?

— Это вообще не обсуждается. Нас поймают. На корабле негде деться, вы сами это только что объясняли конвою. — Он поднял скованные руки и посмотрел на них так, будто видел впервые. — И главное. Мне приказано прибыть на гауптвахту. Лично. Генералом.

— И прибудете.

— Я бегу в противоположную сторону.

— Пока не бежите. В этом и проблема.

Его взгляд говорил всё, что думают о человеке, предлагающем выпить из лужи.

— Слушайте, господин полковник. Вам приказали прибыть на гауптвахту. Всё. Больше в приказе ничего не было: ни маршрута, ни времени, ни способа доставки. Мы придём туда своими ногами и сами себя сдадим в руки правосудия. Только без этого. — Я пошевелил запястьями. — И не через холл.

Створка дёрнулась в пазу и встала обратно. Кто-то с той стороны произнёс слово, которого нет ни в одном уставе.

— Сколько человек увидят меня в браслетах там? — спросил я, кивая на дверь, коридоры и холл за нею. — Плюс те, кто подойдёт на шум.

— А если мы дойдём сами?

— Практически ни одного.

Он помолчал ровно столько, сколько нужно офицеру, чтобы найти в сомнительном плане уставное обоснование.

— Это не побег, — сказал он наконец. — Это самостоятельное следование к месту отбывания.

— Потрясающе. Можно, я потом воспользуюсь вашей формулировкой?

Он развернулся к повороту.

— Куда?

Лестница нашлась за вторым коленом — узкая, крутая, с перилами толщиной в два пальца, из тех, по которым ходят только с инструментом и только когда что-то сломалось.

Спускаться по такой со скованными руками можно двумя способами. Первый: боком, цепляясь за перила обеими сразу, приставным шагом, как бабушка на льду. Второй: быстро. Я выбрал второй и на четвёртой ступеньке понял, что правильный ответ — первый.

Меня поймали за ворот.

— Смотрите под ноги, рядовой, — сказал Барятинский сверху. — Второй раз беру вас за шиворот. Начинает нравиться.

— В первый раз у вас были другие намерения.

— Они не изменились.

Дальше мы шли боком оба.

Нижняя палуба встретила нас температурой. Здесь было градусов на восемь теплее и пахло не кораблём, а машиной: горячей изоляцией, смазкой и той особенной пылью, которая копится только там, куда не водят проверяющих. Проходы здесь не шли, а протискивались между магистральями, и на каждом втором метре что-нибудь торчало на уровне лба.

Первым в это вложился я. Вторым — Барятинский, гораздо громче.

— Что это?

— Кронштейн кабель-канала.

— Зачем он здесь?

— Затем, чтобы здесь не ходили полковники.

Он произнёс ещё одно слово не из устава, и я отметил, что вечер расширяет моё представление об аристократическом воспитании.

На третьем пересечении пришлось лезть под трубу, проложенную вопреки всякому чертежу. Под трубой стояла лужа — чёрная, густая и абсолютно неизбежная.

Я прополз первым, потому что так было справедливее.

— Чисто? — спросили сзади.

— Абсолютно.

Он полез и через три секунды вышел с другой стороны человеком, которого больше нельзя было опознать по верхней половине. Китель приобрёл по всей груди широкую масляную полосу, а щека — отпечаток чего-то ребристого.

Он посмотрел на себя.

Я приготовился.

— Хорошо, — вздохнул Барятинский.

— Что хорошо?

— Теперь меня точно никто не узнает.

Я чуть не сел в ту же лужу.

Дважды мы упирались в тупики, потому что технические коридоры проектируют не для того, чтобы по ним куда-то приходиться. Они ведут к оборудованию, и если оборудование кончилось, кончается и коридор. В первый раз мы вернулись молча. Во второй Барятинский сказал, что при таком темпе мы явимся на гауптвахту к утру, а конвой к тому времени успеют расстрелять.

Потом коридор вообще опустился до полутора метров, и мы шли согнувшись, как двое грабителей, которые уже поняли, что грабить тут нечего, но гордость не позволяет разогнуться.

Люк мы нашли по звуку. Сквозь переборку шло гудение преобразователей и где-то была клёпка. Я отжал защёлку локтем, крышка отошла, и в лицо ударило холодом и светом.

Ангарная палуба устроена так, что человек, попавший туда впервые, какое-то время молчит. Потолка там нет — есть свод, уходящий вверх на три яруса, в рёбрах, в крановых рельсах и в прожекторах, которые горят все сразу и отменяют тени. На размеченном жёлтым полу рядами стоят шаттлы — тупорылые, широкие, с откинутыми аппарелями, похожие на стадо, которое привели на водопой и забыли увести. Звук там живёт отдельной жизнью: сказанное вполголоса возвращается к тебе через секунду сверху, чужим голосом и чуть глупее.

А между вторым и третьим рядом, на свободном поле, замерли три сотни человек.

Шеренгами. По четыре. Ровно там, куда их отправила строка в планшете, который у меня уже отобрали.

Стояли они хорошо. Мне даже стало немного страшно.

— Это сюда они неслись как на водопой? — медленно спросил Барятинский, выбираясь из люка.

— Начальная точка маршрута. Приказа об отмене никто не давал.

— И они всё время так и стоят?

— Точно.

Кнутова на палубе к счастью не было. Это меня и обрадовало, и насторожило: значит, его где-то держат, а всё, что держит Кнутова, рано или поздно приходит сюда вместе с ним.

Мы пошли вдоль строя, потом побежали.

— Здорово, парни! — крикнул я на бегу.

Триста человек не шевельнулись.

— Хорошо стоите! Красиво!

Триста человек не шевельнулись ещё раз, но как-то выразительнее.

— Они вас видят? — крикнул сзади Барятинский.

— Видят.

— Эти... живые вообще?

— Самые, что ни на есть. — усмехнулся я, оборачиваясь на бегу. — Ваши люди это почувствовали своими рёбрами.

Барятинский бежал за мной, и по его дыханию я слышал, что он собирается спросить ещё.

— Куда мы?

— Снимать наручники.

— Где?

— У техников.

— У техников нет ключей от магнитных браслетов.

— У этих есть.

Расположение технической службы занимало смежное помещение с ангаром сразу за крайним шаттлом: верстаки, стеллажи, два подъёмника и бесконечные ящики, которые всегда стоят не там, где нужно.

На этот раз ящики стояли на своих местах.

А ещё там стояли стеллажи с разложенным по номерам инструментом, чего на моей памяти не случалось ни в одной мастерской Галактики.

Техники работали.

Они не просто работали — они перемещались бегом. Один тащил шланг, двое выводили подъёмник к двигательному отсеку, ещё один протирал пол. Пол! На ангарной палубе!

А вдоль стены, на перевёрнутых ящиках, сидели полтора десятка человек в оранжевых робах и спокойно смотрели, как идёт работа.

Один из техников пробежал мимо них и косо стрельнул глазами — быстро, снизу вверх, как проверяют погоду перед выходом.

— Ребята, где Палыч? — спросил я.

— Увели, — отозвался самый крупный из сидящих, не вставая. — Док увёл. У человека флюс с кулак, а он терпит. Док сказал: или в медблок, или я тебе его здесь вскрою шилом. Палыч подумал и пошёл.

— А здесь что происходит?

— Производство, — сказал он с достоинством человека, который к нему отношения не имеет.

Картина собралась быстро. Стоило Палычу уйти, как наши эки-союзники с богатой криминальной биографией огляделись, оценили обстановку и обнаружили вокруг себя коллектив, который работает, так скажем, с прохладцей. Для людей с такой биографией это не беспорядок, а вакансия.

— Вы что их били? — уточнил я.

— Обижаешь, начальник. Просто объяснили, что работа исправляет.

— Словами, надеюсь?

— Словами и авторитетом.

Техник со шлангом пробежал обратно и на всякий случай ускорился. Судя по тому, как он ускорился, авторитет за своими новыми сослуживцами он уже признал.

— Значит, так, — сказал я. — Никого не обижать. Вести себя прилично. Запомните, вы — технические команды тринадцатого штрафного. Приданы в усиление. Форму выдадут позже.

— На нас роботы арестантские!

— А роботы — это спецодежда. Яркая. Чтобы не задело подъёмником.

Сидящие переглянулись. Версия им понравилась больше, чем предыдущие версии их биографий.

И тут они заметили за моей спиной Барятинского.

Заметили не полковника — полковника в нём угадать было уже трудно. Они заметили наручники. Восемь человек опознали браслеты с теплотой, с какой узнают земляка в чужом городе.

— Кодыч! — позвал крупный.

Из-под открытой панели ближайшего шаттла показалась голова.

Кодыч был единственным из моей гоп команды, кто работал, и единственным, кому это нравилось. В руках у него был жгут цветных жил, в зубах — изолятор, а на лице — выражение человека, которого оторвали от единственного в жизни приятного занятия.

— Чего?

— Браслеты сними, — улыбнулся я и показал руки.

Кодыч вынул изолятор изо рта, подошёл и обошёл нас по кругу, присев у замков.

— Стандартная модель, — сказал он с той печалью, с какой мастера говорят о чужой халтуре.

— Откроешь?

— Обижаете, Александр Иванович.

В руках у него появилась та самая самодельная отмычка, которая всем нам так сильно помогла в «Полярной Сове». Он приставил её к замку, что-то три раза скребнул — и браслеты разошлись с тем же сытым щелчком, с каким сошлись.

Руки разъехались в стороны сами, как чужие.

— Следующий.

Барятинский не пошевелился.

Он изучал людей перед собой, вымытый пол, разложенный по номерам инструмент и отмычку в руке человека, который, похоже, ещё сегодня утром сидел в карцере.

— Рядовой Васильков.

— Я.

— Этот человек сейчас снимет магнитные наручники с командира штурмового батальона в присутствии свидетелей.

— Господин полковник, — сказал я, — вы предпочитаете явиться на гауптвахту в браслетах или без?

Он вздохнул и поднял руки.

Кодыч работал с ним на пару секунд дольше — не из-за замка, а потому что работал более аккуратно. Когда щёлкнуло, он поймал браслеты, чтобы не упали на пол, и протянул их владельцу двумя руками, как подают шапку в гардеробе.

— Ваше, господин полковник.

Барятинский взял.

— Благодарю.

Он сказал это тем самым голосом, каким благодарят равных, и все зэки на ящиках сразу стали сидеть прямее. Я подозреваю, что он сделал это нарочно, и если так, то это был лучший манёвр за его сегодняшний вечер.

— Инструмент верните на место, — добавил он Кодычу.

— У меня всё на месте, — обиделся Кодыч и ушёл обратно под панель.

Таким образом из технического отсека мы вышли уже налегке.

Это, кстати, отдельное чувство. Когда с тебя снимают наручники, первые шаги идёшь неправильно: руки болтаются слишком широко, и тело почему-то уверено, что что-то забыл.

Барятинский шёл рядом и молчал, но молчал уже иначе — не каменно, а задумчиво.

— Ваши люди за час навели в технической службе порядок, — сказал он наконец. — Мой зампотех не справился за полгода.

— У них иная мотивация.

— Какая?

— Им не нравится, когда вокруг беспорядок. Они от этого нервничают.

Он подумал над этим шагов десять.

— Слава Богу у меня в батальоне таких нет, — подытожил он.

Конец палубы сузился в короткий коридор, и в самом его торце я снова увидел блок гауптвахты — серая плита с одной дверью и столиком дежурного, вся архитектурная мысль которой сводится к тому, что отсюда не видно ничего хорошего.

У столика стояли семеро. Все знакомые.

Четверо были знакомы и Барятинскому. Они ещё не отдышались, и это было слышно с двадцати метров.

— ...три раза прошли, — торопливо говорил старший конвоя. — Сверху донизу. Ни в одном отсеке.

— А в технических? — спросил старший смены, человек с видом крайне терпеливым.

— Куда они убежали — смотрели.

— А в остальных?

— Там тридцать километров коридоров и сотни люков.

— Значит, в остальных не смотрели?

— Мы смотрели там, где человек пройдёт.

— А они, выходит, прошли там, где не пройдёт.

Старший конвоя произнёс что-то короткое. Дежурный за столиком вёл запись и старался не улыбаться, отчего лицо у него было как у человека, сдерживающего чих.

— Докладывать генералу будете вы, — сказал старший сме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.